

Бай Ицин, видя, как в маленьких глазах собеседника отражается огромное беспокойство, почувствовал неладное. У него было предчувствие... что Гу Яньшу может...

— Вы, омеги!

— Мы, омеги, ничего не сделали!

Они заговорили одновременно, но Бай Ицин опередил его, сунув ему в рот лапшу и глядя прямо в глаза, произнёс:

— Мы! Омеги! Ничего не сделали! Я просто хотел спросить, не хочешь ли ты поесть, это было чистое и искреннее предложение. Понял?

Гу Яньшу ещё не успел понять, что происходит, как его рот уже был заполнен лапшой. Когда он пришёл в себя, то понял, что только что произошло, и тут же закричал:

— Что ты делаешь!

Но он забыл, что во рту у него ещё была еда, и, открыв рот, чуть не выронил лапшу. Инстинктивно прикрыв рот рукой, он сказал:

— Вы, омеги, всегда так запросто кормите других мужчин?

Бай Ицин с недоумением ответил:

— А что не так с кормлением? Это тоже считается распутством?

— Конечно!

Бай Ицин: [.....]

Ладно, ладно, я виноват! — Он поднял руки над головой, мягко соглашаясь с Гу Яньшу:

— Я больше никогда не буду так... эээ... «распутничать», хорошо?

С этими словами он наклонился, глядя на Гу Яньшу снизу вверх, что делало его лицо ещё более худым и вызывало жалость.

Гу Яньшу провёл языком по внутренней стороне щеки и, наконец, прекратил «допрос», махнув рукой:

— Ладно, ешь.

— Окей, — Бай Ицин надул губы и продолжил есть, думая про себя, что Гу Яньшу странный,

его настроение меняется каждую минуту, в прошлой жизни он, наверное, был актёром в театре.

— Эй! — Гу Яньшу постучал пальцем по столу.

Бай Ицин поднял голову, закончив жевать, и спросил:

— Что случилось?

— Ты... — Гу Яньшу прищурился, с подозрением глядя на него. — Ты ведь в душе ругаешь меня?

Как он узнал?!

— Конечно нет! — Бай Ицин сделал серьёзное лицо, положил руки на колени и сел прямо. — Как я могу ругать тебя в душе?

Гу Яньшу, опершись на стол локтем, смотрел на него с пронзительным взглядом, каждый жест которого излучал давление:

— Раньше у меня уже было такое чувство, что ты внешне льстишь, а внутри, наверное, ругаешь меня.

Бай Ицин ковырял палочками лапшу в миске, чувствуя, что каждый кусочек становится всё труднее проглотить.

К счастью, Гу Яньшу не продолжил эту тему, но как только Бай Ицин вздохнул с облегчением, тот снова ударил его по больному месту.

— Когда у тебя течка?

— Кх-кх! — Бай Ицин чуть не подавился слюной и начал кашлять.

Гу Яньшу, не понимая, спросил:

— Что случилось? Ты же сам хотел на мне жениться. Теперь что, передумал?

— Нет... ничего! — Бай Ицин схватил несколько салфеток и вытер рот. — Продолжайте.

— Продолжать что? Ты ещё не сказал, когда у тебя течка, как я могу продолжать?

— Моя течка... — Бай Ицин замешкался. — Я на самом деле не знаю, когда.

Гу Яньшу:

— Ты издеваешься надо мной?

Бай Ицин вздохнул и ответил:

— Господин Гу, если кто и издевается, то это вы надо мной. В прошлый раз вы чуть не убили меня.

Заметив, что лицо Гу Яньшу изменилось, он быстро добавил:

— Мы, омеги, такие распутные! Я сказал это за вас, вам не нужно повторять.

Гу Яньшу только открыл рот, как его перебили. Он хотел что-то сказать, но в итоге только фыркнул, выражая своё недовольство.

Когда напряжение немного спало, Бай Ицин продолжил:

— У меня течка нерегулярная, иногда она не наступает целый год, а иногда случается несколько раз за год. К тому же, я плохо контролирую свои феромоны, они легко выходят наружу, поэтому я всегда ношу подавляющий ошейник.

С этими словами он расстегнул рубашку, обнажив чёрный ошейник на шее.

Тонкий чёрный ошейник плотно обхватывал его шею, подчёркивая хрупкость и бледность кожи.

Гу Яньшу нахмурился, с подозрением глядя на него:

— Ты серьёзно? А после того, как ты был с альфой, ты принимал таблетки?

Бай Ицин невольно моргнул, его губы дрогнули, как будто он хотел что-то сказать, но он быстро сменил тему:

— Я действительно не знаю, когда будет течка, поэтому не могу вам ответить.

На самом деле он хотел сказать, что никогда не был с другими альфами, но он знал, что Гу Яньшу ему не поверит. И, судя по реакции, тот, вероятно, думал, что нерегулярная течка — это просто отговорка, чтобы дольше оставаться «господином Гу».

Гу Яньшу, видя его неуверенность, раздражённо сказал:

— Говори прямо, не делай вид, будто я тебя обижаю.

— Вы меня не обижаете? — Бай Ицин с лёгкой насмешкой посмотрел на него.

Гу Яньшу с презрением ответил:

— Ты уверен? Когда я тебя обижал?

— Вы? Хотите, чтобы я сказал?

— Да!

Бай Ицин, улыбаясь, наклонился к уху Гу Яньшу и шепнул несколько слов.

Слова были тихими, но их вес был ощутим. Хотя неизвестно, что именно сказал Бай Ицин, но по покрасневшему лицу Гу Яньшу было ясно, что это было что-то нехорошее.

Гу Яньшу, не зная, то ли от стыда, то ли от гнева, покраснел до предела. В конце концов, он только смог выжать:

— Распутник.

Бай Ицин, довольный тем, что подразнил его, улыбнулся и начал успокаивать:

— Ладно, ладно, не злись. Это я слишком распутничал, хорошо?

— Эй, маленький невинный? [Примечание: для тех, кто не понимает, смотрите вторую главу.]

— Хватит! — Гу Яньшу с силой оттолкнул его, и Бай Ицин, потеряв равновесие, ударился о стол позади.

— Ой, — внезапная боль заставила его вскрикнуть.

Гу Яньшу понял, что переборщил с силой, и хотел протянуть руку, чтобы помочь, но, вспомнив произошедшее, тут же отдернул её и, кашлянув, сказал:

— Впредь не шути так, мне это не нравится.

Бай Ицин тоже понял, что зашёл слишком далеко, задев «невинного» Гу Яньшу. Он потирал бока, извиняясь:

— Я виноват, не злись.

— Ты... — Гу Яньшу хотел сказать, что ему не нужно извиняться, ведь он действительно причинил боль, но вместо этого сказал:

— Главное, что ты понял!

После нескольких встреч Бай Ицин уже почти разгадал характер Гу Яньшу. Этот молодой господин, казавшийся вспыльчивым, на самом деле был просто маленьким цундэрэ, который не умел выражать свои чувства, но в душе был хорошим человеком.

Вспомнив вчерашний шоколад и сегодняшний суп с лапшой, Бай Ицин почувствовал тепло в сердце:

— Я понял.

Затем он, немного подумав, спросил:

— Кстати, почему ты так ненавидишь омег? Я вижу, что твоё тело... эээ... не совсем их отвергает.

Гу Яньшу понял, что он имеет в виду, и, отвернувшись, бросил на него взгляд:

— Какое тебе дело? Не лезь не в своё.

Бай Ицин промычал:

— Ну, это же касается меня, ведь мы же поженились. И если ты будешь так ненавидеть омег, как мы сможем завести детей? Разве что с помощью телепатии?

Гу Яньшу подумал, что в его словах есть доля правды, и, после некоторого колебания, всё же объяснил:

— Потому что я считаю омег раздражающими.

— Что?

— Просто раздражающими! — Гу Яньшу начал загибать пальцы. — Когда я был маленьким, к нам в дом пришёл гость, он был омегой. Я хотел с ним подружиться и даже дал ему поиграть с моим любимым питомцем, но он бросил его и побежал к отцу, плача, что я его обидел.

— А что это был за питомец?

Гу Яньшу кашлянул:

— Это не важно.

Ха, наверняка что-то ужасное, — подумал Бай Ицин.

— Потом, в школе, один омега признался мне в любви.

— И что?

— Я отказал.

Бай Ицин недоумевал:

— И что было дальше?

— Он заплакал, и учитель меня отругал.

— Ха-ха, — Бай Ицин едва сдержал смех. Он долго не мог понять, почему Гу Яньшу ненавидит омег, а теперь, узнав причину, он понял ещё меньше. Какие же это глупые причины!

— Чего смеёшься! — Гу Яньшу бросил на него сердитый взгляд.

<http://bllate.org/book/15562/1384781>